

СЛУЧАИ ЯЗЫКОВОГО КОНТАКТА В ЛАТГАЛИИ

П. АРИСТЭ

В Латвийской ССР, в Лудзенском районе Латгалии, еще в наше время можно встретить несколько десятков, преимущественно старых, людей, говорящих на эстонском языке. В эстонской этнографической и языковедческой литературе этих эстонцев обычно называют лудзинскими эстонцами, поскольку главным центром их поселений является город Лудза (прежний Луцын). Часть этих эстонцев осела вокруг города Лудзы, по-видимому, с очень давнего времени, но большинство их переселилось в Лудзинский район, по всей вероятности, в XVII столетии.

В условиях феодального строя лудзинские эстонцы прекрасно сохраняли свое этнографическое своеобразие и родной язык, так как в это время общения с внешним миром не было и за пределы дома они почти не выезжали. Кроме родного языка, лудзинские эстонцы были до известной степени знакомы с латгальским диалектом латышского языка, а на пограничных с русскими и белорусами участках также с русским и белорусским языками. Будучи по вероисповеданию католиками, лудзинские эстонцы поддерживали более тесную связь со своими единоверцами — латышами и белорусами, в то время как сближение и общение с русскими наблюдалось лишь в селах с перешедшим в православие населением. Поскольку в католических церквях проповеди и исповедь проводились на эстонском языке, лудзинские эстонцы могли обходиться и без знания латышского, а также белорусского языка — для этого не было в то время прямой необходимости вообще. Со всеми жившими по соседству крестьянами им приходилось сталкиваться чаще всего на мызной барщине. На мызе же они часто слышали и польскую речь, поскольку владельцами и их управителями были преимущественно поляки. В Латгалии польский язык был, вместе с тем, языком местного культурного общения, пока ему на смену не был введен русский язык. К середине прошлого столетия церковные требы и проповеди в католической церкви стали проводить только на латышском языке, что оказало существенное влияние на местный эстонский язык. В православных селах влияние русского языка давало о себе знать еще

значительно раньше. Несомненно, что в этом отношении немаловажную роль сыграли также участвовавшие со временем смешанные браки между эстонцами, латышами, русскими и белорусами.

К концу феодального периода заметно увеличивается и усиливается влияние русского языка как на эстонский, так и на латышский, белорусский и другие языки заселявших Латгалию народов, в особенности после того, как в этом крае были открыты русские школы. Вместе с тем, латгальская молодежь, в том числе и местные эстонцы, в это время начинает уезжать на сезонные, временные работы на русскую территорию, в район расположения больших городов и промышленных центров, что в свою очередь способствует распространению знаний по русскому языку. Языком местного общения всех заселяющих Латгалию народов русский язык становится еще в прошлом столетии. Кроме латышей и немногих эстонцев, на территории Латгалии в двадцатых годах этого столетия насчитывалось 20,13% русских, 13,96% белорусов и 4,49% поляков, а также небольшой процент евреев и литовцев. Поселения эстонцев расположены в непосредственном соседстве с латышами, русскими и белорусами.¹

В 1893 г., во время посещения этой местности О. Калласом, большинство лудзинских эстонцев, кроме родного языка, владело также и латышским, причем довольно большое распространение имел и русский язык. (К сожалению, О. Каллас не делал разницы между знанием русского и белорусского языков). Многие эстонцы знали в то время, вместе с тем, и польский язык.² В настоящее время последние носители лудзинского диалекта эстонского языка все без исключения владеют латышским языком в его литературной или диалектной, т. е. латгальской, форме. Владение русским языком также явление повсеместное. Большая часть местных эстонцев перешла окончательно на латышский или русский язык.

Так как лудзинские эстонцы в течение продолжительного времени находились в тесном контакте с целым рядом других народов, они соприкасались с этими народами также и в языковом отношении. Поэтому эту территорию следует признать одним из самых интересных участков Прибалтики в том отношении, что на ней мы можем непосредственно наблюдать процесс взаимного влияния различных по происхождению языков, а также те изменения, которые происходят в сферах и направлениях языкового влияния в тот или иной период времени. Для окончательного и полного выяснения взаимосвязей всех расположенных в районе Лудзы языков необходима тесная совместная работа славистов, балтистов и финноугроведов, причем в эту исследовательскую работу должны включиться также фольклористы, этнографы, историки и археологи. Только в таком случае можно будет ответить на многие сложные вопросы этногенеза данного микрорайона.

¹ E. Blese, Latgales cittautesi un viņu valodas, „Izglītības Ministrijas Mēnēsraksts“, Rīgā, 1925, стр. 357—369, 478—485.

² O. Kallas, Lutsi Maarahvas, Helsinki, 1894, стр. 11 и след.

В настоящей статье будут рассмотрены лишь особенности лексики лудзинского диалекта эстонского языка, на которой в очень сильной степени сказалось влияние латышского, русского и белорусского языков. Вместе с тем, в ней немало также и польских элементов. Данное сообщение должно послужить своего рода вехой в деле дальнейшего изучения контактных связей различных заселяющих Прибалтику народов.

Лудзинский диалект эстонского языка относится к южно-эстонской диалектальной группе, основной словарный фонд которой имеет типичный южно-эстонский характер. В лудзинском диалекте, в отличие от всех других южно-эстонских говоров и диалектов, встречаются прежде всего латышские слова, проникшие в него в различные периоды времени и связанные с самыми разнообразными областями жизни. Более древние латышские заимствования уже в полной мере подчинились фонологической структуре эстонского языка, но в позднейших заимствованиях сохраняются совершенно чуждые эстонскому языку особенности латышской фонологии. Встречаются также и такие слова, которые употребляются параллельно в двух вариантах — в эстонизировавшемся и в не утратившем исходного латышского звучания варианте. Сохранение латышских фонологических особенностей в заимствованных словах лудзинских эстонцев приняло все более интенсивный характер, когда латышский язык фактически уже стал их вторым домашним, разговорным языком.

Ниже будут рассмотрены те латышские заимствования, которые удалось зафиксировать в записях речи лудзинских эстонцев³.

abadaʔ «кушанье из печенки или легкого только что убитого животного» <*abādas*, латгальское (=лтг.) также *abāda* «кушанье из свинины и капусты, которое обычно готовится после того как убьют свинью»; *bel'l* «бельмо» <лтг. *bel's*; *beluga (maa)* «плохо высыхающая земля» <лтг. *beluga*; *bil't* «картина» <*bilde*; *biz'atama* «обижать» <лтг. *apbižavuoŋ*; *borr*, род. *bora* «место жатвы» <лтг. *bors*; *bruukos* «утренний завтрак» <лтг. *brūkosc*; *burnitama* «дразнить, досаждать, соблазнять, придирается, искушать» <*burnit*; *drutša* «болотная лихорадка, малярия» <*drucis*, род. *druča*; *drōgin* «белена (*hyoscyamus niger*)» <*drigene*, лтг. также *dridžiņa*; *dziņts*, род. *dzin'd'z'i* «мызный налог» <*cints*, *cinte*; *dundur, tundur* «незванный гость» <лтг. *dundurs* «ребенок во время навозной толоки»; *duuda, duudakott* «волынка» <*dūda*; *gikāl'*, род. *gigāl'i* «хвощ» <*ģigēles*, лтг. *ģigāl'is*; *griusl'i, kriusl'i, ka-n'ebi griusl'i* «кушанье из семян конопли» <*grūslis*, лтг. *gryušl'is*;

³ Большая часть фактического материала получена из собрания Института языка и литературы АН Эстонской ССР. Латышские соответствия взяты преимущественно из словаря К. Миленбаха и Я. Эндзеллина (К. Mūlenbachs—J. Endzelīns, *Latviešu valodas vārdnīca*, I—IV, Rīgā, 1923—1932).

Что касается латгальских соответствий, то они частично взяты из личных записей автора статьи, частично же получены от научных сотрудников Института языка и литературы АН Латвийской ССР.

gõn'd'zik, род. *gõn'd'z'igi* «белорус» <лтг. *g'en'd'z'iks* «унижительное, оскорбительное наименование белоруса»; *inādnik*, род. *inādnigu* «придира, искуситель» <*ienaidnieks*, лтг. *inaidnieks* «враг, неприятель»; *kalpak* «парик» <лтг. *kalpaks*; *kapl'i* «мотыга» <*kaplis*; *kartupel'* «картофель» <*kartupelis*; *keistri* «кистер, диакон в католической церкви» <*k'eis't'ers*; *k'elne* «кельня» <*kəlne*, лтг. *k'elne*; *kimin* «тмин» <лтг. *k'im'ini* *kood'z'iv*, «партитив»; *kuut's'õ* «крупа, которую ели накануне рождества»; *kuod'z'ipāiv* «канун рождества» <лтг. *kūcys* (<белорусское *куця*) и *kūcysdina*, латышское *kūčas* «крупа», *kūķu diena* «канун рождества»; *kopp*, род. *kopa* «стог сена из десяти копен» <лтг. (*rudzu*) *kopa*; *krauts* «портовой» <лтг. *krauc's'*; *krump*, род. *krumba*, уменьш. *krumbake* «складка, сборка» <*grumbas*, лтг. *grumba*; *kutõl'*, род. *kudõl'i* «вошь у скота» <*skutele*, лтг. *skut'al'a*; *ku'ok* «пиджак, мужская куртка» <лтг. *ku'oks*; *labi, labis* «хороший» <*labi* «хорошо»; *lapat's'ka* «болтун, пустослов» <лтг. *lapacka*; *leigutama* «распевать купальские песни» <*ligot*, лтг. *leiguot'*; *med'z'ina?* «мозг» <лтг. *sm'ed'z'enes*; *mišš*, род. *mis's'i* «месса» <лтг. *miša, mise*; *mutul', mutur'* «ступица» <*muturis*, лтг. *muturs*; *muzul'* «мозоль» <лтг. *muzul's'*; *narits*, род. *naridza* «заболевание у лошади, вызванное неправильным положением хомута» <*narica, naricas*, лтг. *narica*; *net'sdā net'sva*, «деревянное корыто, в котором стирают белье или купают ребенка» <лтг. *n'ečve*; *nāsālgi?* «носилки» <*nesilkas*; *obur* «особый вид рыболовных сетей» <*abars*, лтг. *oburs*; *pat's'min', bat'vin'*, род. *bat'vin'i* «свекла, сахарная свекла» <лтг. *batvin'i, bac'min'c'*; *plakk*, род. *plaka* «флаг» <лтг. *plags*; *podmarouka* «фундамент» <лтг. *podmorouka*; *poor's't'* «бахрома (у большого наплечного платка)» <лтг. *bōrksts, buork's'*; *prat'in*, род. *prad'ina* «небольшая рыболовная сеть с двумя крыльями и матней» <лтг. *brad'in'c'*; *pumbat's'* «мяч из мочевого пузыря» <*bumba* «мяч»; *puzur'* «мочевой пузырь» <лтг. *puzurs*; *põur*, род. *põura, piur* «пура, четверик = четверем пудам» <*pūrs*, лтг. *pyurs*; *põutš*, род. *põutši, põvš*, род. *põvši* «домашний дух, домовый» <лтг. *pyučs*; *rakan*, род. *ragana* «ведьма, дьявол (ругательство)» <*ragana*; *ruput's'*, род. *rupud'zi* «жаба» <*rupucis*, лтг. *rupuc's'*; *ruinama* «говорить, беседовать» <*runāt*; *ruutotama* «петь полагаящиеся в канун Иванова дня песни» <лтг. *rūtuot'*; *ruoža* «рожа (болезнь)» <*ruoža; rāā?* «особая кожная болезнь головы» <*skrēda* «eine Schramme, Hautritze»; *sal'l*, род. *sal'li* «трубочный нагар» <лтг. *sailles*; *saska* «хорек» <лтг. *sasks*; *skrõtul'* род. *skrōdul'i* «шкив у ткацкого станка» <лтг. *skrytul's'*; *sumpur* «ругательство по адресу ленивого человека» <*sumpurnis*, диал. *sumpuris* «песиголовец, вурдалак»; *šalõinu* «отстоявшаяся, прозрачная (относительно жидкости)» <лтг. *acašāliejis*; *šopka* «тухлое яйцо» <лтг. *šopka* «разбитое во время игры в коканье яйцо»; *tal't's'*, род. *tal'd'z'i, tar't's'* «аист» <*starkis*; *tes'nik*, род. *tešnigi* «наблюдающий за порядком на рынке, распорядитель на рынке» <лтг. *tis'n'iks* «судья»; *tsakk* «украшение из бумаги (вокруг иконы)» <лтг. *cakas*; *tseirul', dzeirul'* «жаворонок» <лтг. *c'eirul's'*; *tsepel'nik* «сковородник» <лтг. *čepel'n'iks*; *tsilp*, род. *tsilbu, tsōlp*, род.

tsõlbu «завязавшийся узел, узел в пряже, узел при вязке сетей» < *cilpa*, лтг. *cylpa*; *tsõba* «носик подойника», *tsõbakõnõ* «коробок спичек» < *ciba*, лтг. *cyba*; *t's'ekl'*, род. *t's'egl'i*, *tsõkl'* «кирпич», *tsõglinõ ahi* «печь из кирпича» < лтг. *ceglys*; *tsäts* «наконечник, бахрома», срв. латышское *sesi* «старое тряпье»; *tulka* «железная спица в ступице колеса, букса» < лтг. *tulka*; *urviñ* «ватерпас» < лтг. *uroviñc*; *vaatre* «вихрь» < лтг. *vātra* «буря»; *vaidze* (наречие) «надо, нужно» < лтг. *vād'z'ā*; *vool'atama* «катать, свертывать» < лтг. *vuol'uot'*; *vääpla* «оболтус, стилига» < *vēplis* лтг. *ṽāpla* и т. д.

Среди латышских заимствований встречаются такие слова, которые проникли в латгальский диалект из русского или какого-либо другого славянского языка. Поскольку в языке лудзинских эстонцев фонетические особенности этих заимствований свидетельствуют о том, что они перешли к эстонцам из латгальского диалекта, все эти слова могут быть причислены к латышским заимствованиям. По своему значению они относятся к самым различным областям жизни и быта — как к хозяйственной, промысловой, так и к культурной жизни народа. Большая часть этой заимствованной лексики свидетельствует о том, что латыши и местные эстонцы жили в тесном повседневном контакте друг с другом, что и привело к двуязычию.

Особенно древними следует признать такие полностью эстонизированные латышские слова, как *kutõl'*, *rää?*, *pat's'min'*, *poor's't'*. В некоторых случаях, наряду с подобным древним вариантом, употребляется и более поздняя заимствованная форма слова, например: *dundur* и *tundur*, *griusl'i* и *kriusl'i* и т. п. Латышские заимствования перешли в местный эстонский язык, по-видимому, из латгальского диалекта, но некоторые слова, как например, *kartupel'*, *tal't's'* или *tar't's'*, заимствованы из общенародного латышского языка.

Наряду с латышскими словами в лудзинском диалекте эстонского языка встречаются также и славянские заимствования, причем в большинстве случаев происхождение их не поддается точному определению, поскольку фонетический состав таких славянских заимствований позволяет признать их как русскими, белорусскими, так и польскими заимствованиями, например: *paaba* (более древнее заимствование) «женщина, старуха» < русск. *баба*, белор. *баба*, польск. *baba*; *domm*, род. *domma* «дом» < русск. и белор. *дом*, польск. *dom*; *draatva* «провока, дратва» < русск. и белор. *дратва*, польск. *dratwa*; *l'iis'na* «лишний» < русск. *лишний*, белор. *лішні*, польск. *liszni*; *stal'l*, род. *stal'li* «сталь» < русск. и белор. *сталь*, польск. *stal*; к этой группе слов относится также заимствование *sid'i*, *sidi* «еврей» < русск. *жид*, белор. *жыд*, польск. *żyd* и т. д. Источником этих заимствований является один из упомянутых выше славянских языков, причем на различных участках лудзинского диалекта в различные периоды времени заимствование могло происходить из разных славянских языков.

В лудзинском диалекте эстонского языка встречается довольно много и таких заимствованных слов, фонетический состав которых сви-

детельствует о их польском или белорусском происхождении, напр.: *bul'ba*, *bul'bas*, род. *bul'ba* и полностью эстонизировавшийся вариант этого слова *pu'ba* «картофель» <польск. *bulba*, белор. *бульба*; *bõss* «сирень» <*bez*, *без*; *drott*, род. *drota* «провода» <*drot~drót*, *дрот*; *drukavoodma* «печатать» <*drukować*, *друкаваць*; *dõhavits* «одышка, астма» <*dychawica*, *дыхавица*; *hot's'* «хотя, хотя бы» <*choć*, *хоть*; *in'dik*, род. *in'digu* «индюк» <*indyk*, *индык*; *kapl'it's*, род. *kapl'idza* «часовня» <*kaplica*, *капліца*; *kapšuk* «кошелек, табакерка» <*kapczuk*, *kapciuch* «капшук»; *knott* «фитиль» <*knot*, *кнот*; *kommen*, род. *komena* <*komín*, *комін*; *k's'ondz*, род. *k's'ondza*, а также в более эстонизировавшейся форме *šjondz* «ксё́нз» <*ksiądz*, *ксёндз*; *ku'ba* «картофель» <*gulba*, *гульба*; *kurtka* «женская кофта, вязанка, фуфайка» <*kurtka*, *куртка*; *lantsuk*, род. *lantsuga* «цепь» (в сказке также «уздечка на голове волка») <*łańcuch*, *ланцуг*; *lääläkene* «кукла» <*lala*, *ляля*; *parahvia* «приход» <*paraſja*, *парафія*; *plääm*, род. *pläämä* «пятно, крапинка», *sündmeze plääm* «родимое пятно» <*plama*, *пляма*; *puška*, *puška* «коробка, футляр», *tuvagi puška* «табакерка для нюхательного табака» <*puszka*, *пушка*; *ratunka* «помощь, спасение» <*ratunek*, более старая форма также *ratunk*, *ратунак*, род. *ратунка*; *ruuža* «роза (болезнь)» <*róża*, в белорусских диалектах *ружа*; *škapleri?*, *skapleri?* «нашитый на материю крест, который католики, приписывающие ему значение религиозного талисмана, обычно носят на шее» <*szakplerz*, *шакплеры*; *tal'ka* «тонкая материя» <*talka*, *тальяка*; *tsuuda* «чудо» <*cud*, *cudo*, *цуд*, *цуда*; *tsõbuk*, род. *tsõbuka* «черенок трубки» <*cybuch*, *цыбук*; *t'süt's* «чуть, немножечко» <*czić*, *чуць*; *voit* «надсмотрщик» <*wójt*, *войт* и т. д. Следует отметить прежде всего тот факт, что все приведенные выше польские или белорусские заимствования встречаются также и в латгальском диалекте латышского языка. Принимая во внимание характерные особенности этой группы славянских заимствований, можно предположить, что большая часть их проникла как в лудзинский диалект эстонского языка, так и в другие языки заселяющих Латгалию народов, скорее всего из польского языка, так как почти все эти слова представляют собою такие понятия культуры и быта, которые латгальские крестьяне перенимали от поляков. Вполне возможно, что некоторые из них перешли в эстонский лудзинский диалект не из польского, а белорусского языка, но точное определение пути заимствования сейчас невозможно из-за отсутствия необходимых для этого языковых критериев.

В языке лудзинских эстонцев имеются, конечно, и такие заимствования, польское или белорусское происхождение которых не вызывает сомнения. Так, например, несомненными польскими заимствованными словами являются: *apostol* «апостол» <*apostoł* (будучи по вероисповеданию католиками, лудзинские эстонцы не могли заимствовать это слово из русского или церковнославянского языков); *magli* «каток для белья» <*magiel*; *obroz*, род. *obroza* «икона, образ» <*obraz* (и это

слово могло проникнуть в местный эстонский диалект лишь от католиков-поляков) и т. д.

Довольно многие слова имеют несомненное белорусское происхождение, например: *dol'nik*, род. *dol'nigi* «работник, батрак, которому хозяин не выплачивал жалованья, а лишь кормил и одевал его» <дольник; *druťšeññ* «трутень» <труцень; *džužič* «дюжина» <диал. белорусское *дзюжина*; *dudar* «волынщик» <дудар; *hvat'sōr* «квартира» <диал. белорусское *хвацера*; *kab* «что, чтобы, для того, чтобы» <каб; *kuut'sl'i*, *koot's'l'i* «кудель» <кудзеля (это белорусское слово проникло также и в другие южные говоры эстонского языка); *lavoñihha* «определенный танец» <лявоніха; *loška* «постель, кровать» <ложак, род. *ложка* (польское *łóżko* фонетически представляет собою более отдаленный вариант); *miža*, *moža*, *mož*, *moš*, *miša* «может быть, возможно» <мужа; *pat's'an* «аист» <баццян; *saussim* «совсем» <диал. *зайсім* (в лит. языке *зусім*); *suhhota* «чахотка» <сухоты, род. *сухотаў*; *t'si* «или» (*määne sul jelo*, *t'si hää jelo vai halv?* «какова твоя жизнь, или хорошая или плохая») <ці; *tul't's'a* «гороховая каша» <студльцы; *vargan* «орган», *varganist* «органист» <диал. белорусское *варган*, *варганы* и *варганіст* и т. д.⁴ Белорусским по происхождению является, возможно, и слово *krädzotaja?*, обозначающее певцов, которые в канун праздника поют под окнами «винаграця красна зялёна»; эстонский вариант этого слова образовался, по-видимому, путем искажения слова *винаграця*. Белорусским, по всей вероятности, является также и слово *harmooniki* «гармонь» <гармонік, на что указывает и начальное *h*. Целый ряд других встречающихся в лудзинском диалекте заимствованных слов по своему звуковому составу также связаны с белорусским языком, например: *t's'il'igrámm*, род. *t's'il'igrámma* «телеграмма»; *t's'ilifon*, род. *t's'ilifona* «телефон»; *skarlat's'iina* «скарлатина»; *sent's'aabr* «сентябрь». На их белорусское происхождение указывает характерное для белорусского языка смягчение *t'* и переход его в *c'*. На территории Латгалии в свое время было довольно много чиновников-белорусов, которые произносили русские слова на белорусский лад, что и оказало влияние на произношение их лудзинскими эстонцами. Поэтому вышеприведенные слова все-таки заимствованы из русского языка. Возможно, что следы белорусского влияния сказываются и на таких русских заимствованиях, как например, *hloksikōñ* «флокса», *horm*, род. *horma* «форма», *hundament* «фундамент» <русс. *флокса*, *форма*, *фундамент*, которые на белорусской почве звучат как *хвлокс*, *хворма*, *хвундамент*. Замена согласного *f* сочетанием звуков *хв* наблюдается также в целом ряде русских диалектов, и поэтому вполне возможно и даже более правдоподобно, что приведенные выше слова были заимствованы лудзинскими эстонцами из русских диалектов.

⁴ Относительно белорусских слов, в особенности их диалектных вариантов, ценные указания были даны автору статьи доц. М. И. Семеновой, которая является знатком в области русских и белорусских говоров.

Перешедшие из белорусского языка заимствованные слова по своему значению относятся к самым различным областям жизни и быта и в этом отношении мало чем отличаются от латышских заимствований. Это объясняется тем, что как лудзинские крестьяне-эстонцы, так и их соседи латыши и белоруссы были в свое время на совершенно одинаковом положении, жили в одинаковых условиях, причем заимствование из одного языка в другой происходило путем двуязычия или даже многоязычия всего местного населения. Приведенные выше белорусские заимствованные слова, проникшие в лудзинский диалект эстонского языка, встречаются также и в латгальском диалекте латышского языка, а в особенности на тех участках, где латыши и эстонцы живут в непосредственном соседстве друг с другом.

В близкородственных белорусском и русском языках словарный состав во многом одинаков, причем эта общность сказывается также и в фонетической структуре слов (лишь в основах орфографии устанавливаются различия). По этой причине в целом ряде случаев очень трудно точно определить, из какого именно языка, русского или белорусского, было заимствовано то или иное слово, перешедшее в лудзинский диалект эстонского языка. Картина усложняется в еще большей степени в результате того, что в местных русских говорах немало общих с белорусским языком фонетических особенностей, как например, явление аканья. Поэтому русскими или белорусскими по своему происхождению могут быть следующие заимствованные слова: *aššol* <русс. осёл, белор. асёл; *balbatama* <русс. болботать, белор. балбатаць; *birka* <бирка, бірка; *bliin* <блин, блін; *bulan* <буланный, буланы; *bul'oop* <бульон, булён; *burlak* «молодой человек, который вышел из деревни на заработки» <бурлак; *dalažiitama* <доложить, далажыць; *dul'i, duul'akõnõ* «груша» <дуля; *halieri* <холера, халера; *hitra* <хитрый, хітры; *huttař* <хутор, хутар; *idrusk*, род. *idruski* и *idrud'z'i?* <игрище, ігрышча; *ikařama* «заикаться» <икать, ікаць; *juřka* <русс. вьюшка, юшка, белор. юшка; *ka'idoora* «коридор» <русс. диалектное калидор, белор. калідор; *kalun*, род. *kaluna* <колун, калун; *kan'ok*, род. *kan'ka* <конёк, канёк; *kantora* «волоостной дом» <контора, кантора; *kantról'l* <контроль, кантроль; *kapatama* <копать, капаць; *karoozda* <короста, кароста; *kazatřkaa* <казачок, род. казачка; *kerka* <кенка; *kisset*, род. *kisseda* <кисет, kicet; *kitaitsa?* <китайцы, кітайцы; *kulak* <кулак; *liiza?*, *lõeža?* <лыжа; *lomt* <лом; *maitnik* <маятник, маятник; *mañer'n'akõnõ* <манерка; *masselna* <масленица, масленіца; *mořka* <мошка; *nařřilka?* <носилки, насілки; *n'emtsä* <немец; *ni-tiä ni jääle* «что ни-будь» <ни, ні; *pal'eri?* «обои» <иналеры; *palka* <палка; *pažar*, род. *pažara* <пожар, пажар; *plintavotma* <плинтовать, плинтаваць; *puzan* <пузан; *raade* <рад; *razboiñik* <разбойник, разбойнік; *rut'ř'nik* <ручник, ручнік; *salavei* <соловей, саалвей; *samavar* <самовар, самавар; *sort*, род. *sorta* <сорт; *sutka* <сутки (диалектное сутка), *суткі* (диал. сутка); *řiul'ik* <жулик, жулік; *sveeža* <свежий, свежы; *torp*, род. *torba* <торба; *tsörkul'* <циркуль, цыркуль; *třai* <чай;

tuusk, род. *tuuza* <туз; *vaal* <вал; *vaašna vaažna* <квашня; *vaina* <война, вайна; *verna* <верно, верна; *võtr*, род. *võdra* <выдра и т. д. Учитывая общий фон заимствования, следует предполагать, что большая часть относящихся к этой группе слов была перенята все-таки от русских, так как приведенные выше заимствования, имеющие в основном культурное административное, относящиеся к городской жизни значение, могли перейти к лудзинским эстонцам скорее всего из русского языка. Понятия, связанные с деревенским бытом и жизнью, в свою очередь, могли быть заимствованы как из русского, так и из белорусского языков, поскольку, как указывалось выше, русские и белорусы жили в непосредственном соседстве с лудзинскими эстонцами. Белорусская интеллигенция в Латгалии нередко говорила по-русски несколько на белорусский лад, что сказывалось как в лексике, так и в их произношении. Подобный смешанный язык оказал, между прочим, влияние на произношение такого заимствованного лудзинскими эстонцами слова, как *rašeeniija* <русское решение, белор. *рашэнне*.

Наибольшее количество славянских заимствований в языке лудзинских эстонцев по своему происхождению русские слова, так как русский язык, начиная со второй половины прошлого столетия до Октябрьской революции был в Латгалии единственным административным и основным культурным средством общения. Поэтому почти все без исключения новые понятия, с которыми латгальский крестьянин знакомился за пределами своей деревенской общины, обозначаются в речи лудзинских эстонцев заимствованными из русского языка словами. Вместе с тем, русский язык играл важную роль также и в период феодального строя, на что указывают уже приведенные выше заимствования. Кроме того, именно на русском языке происходило взаимное общение латгальских «бурлаков», когда они выезжали за пределы своего родного места. Известно, что довольно большое количество латгальской молодежи выезжало — в летний период в особенности — на различные сезонные работы на далеко отстоящие от дома территории русского языка.

Из русского языка заимствованы следующие слова: *abiidna* <диал. обидно, имеющее значение «очень, очень много, изобильно», *abrátno* <обратно; *advakát*, род. *advakáta* <адвокат; *ahvitséer* <офицер; *ap-rél'l* <апрель; *bagdan* «внебрачный ребенок» <богдан; *baranka?* <баранки; *ben'z'inka* «зажигалка» <бензинка; *burdoova* <диал. бурдовый (лит. бордовый); *da* <да; *deeda* «муж, дед» <дед; *dekaabr* <декабрь; *d'ela, d'jeela* <дело; *divavoitma* <дивиться; *famil'ija* <фамилия; *flota* <флот; *garlaviina* <горловина; *girr*, род. *girra* <гурия; *gluhhoja* <глухой; *gos't' kos't'* <гость; *ind'uk*, род. *ind'uga* <индюк; *jaakor'* <якорь; *janvaar, janvaar'* <январь; *joožik* <ёжик; *jul'l* <июль; *jun'ni* <июнь; *kammina, kannuta* <коммуна; *kanalia, kannalia* <каналъ; *karas'siinn* <керосин; *karaui'l'itma* <караулить; *karmañ* <карман; *kašamirr* «особый сорт материи» <кашемир; *kokorka* «лепёшка» <кокорка; *konts*, род. *kondza, kon't's'*, род. *kon'd'z'i* <гончая (собака); *koozõr*

<козырь; *korets* <копец; *kraaska* <краска; *krasnop'orka* <краснонёрка; *kriitsa* <крыльцо; *kroossa* <крыса; *kukšin* <диал. кукишин (лит. кувшин); *laatka* <латка; *lapatnik* <лапатник (часть прялки); *l'uterna* <лютеране; *mart*, род. *marda* <март; *mat'itama* <матюгать(ся); *motka* <моток; *mototama* <мотать; *mõšelojka* <мышеловка; *ñeprijaatel'* <неприятель; *opštša*, *opša* <вообще; *otška?* <очки; *peššatama* <спешить; *plann*, род. *planna* <план; *plas's* <пласт; *plos's* <сплошь; *pluuga* <плуг; *pravnale* «скоро, быстро» <диал. справно; *priigon*, *briigon* «крепостное право» <пригон; *prisluga* <прислуга; *propka*, *propki* <пробка; *präl'nik*, род. *prääl'ñigi* <пряник; *prääd'ta* <прясть; *prääl'its*, род. *prääl'itsa*, *prääl'id'z'i* <прялица; *puktatama* «бубнить себе под нос» <диал. пуктать; *puppõn'* <бубны; *režiinka* <резинка; *roitma* <рыться (в чем либо, в понсах чего-либо); *russalka*, *russolka*, *russafka* <русалка, диал. русолка, русавка; *räädniig* <урядник; *seet's'ka* <сечка; *sekletar* «секретарь» <диал. секлетарь; *skut's'na* <скучно; *spit's'ka* <спичка; *spooritama*, *pooritama* <спорить; *suuding* «судебное дело», срв. русское судить; *šolganõ* <шелковый; *šolgon* <шалгун; *štakan* <стакан, диал. штакан; *šut't* <шут; (*pidä*) *zaavistet* «завидовать» <зависть; *ždääga* «женщина, которая много болтает» <диал. звяга; *talkavuitma* <толковать; *trenõška* <треножка; *tooža* <тоже; *toroz'nik*, род. *torož'ñigi* «мызный кубъяс — надсмотрщик» <сторож; *torozilõ minemä* «идти на барщину»; *tšarovnik* <чаровник; *tšolonka* «чёлн» <диал. чолонок, чолонка; *tšuuda* <чудо; *tšärpak* <черпак; *uhvat*, *uhvatka* <ухват, ухватка; *ukr*, род. *ugra* <угорь, множ. число *угри*; *val'ka* <валёк, род. валька; *ves't'* <весть; *vzdor*, *vzdoritama* <вздор, вздорить; *volok* «старинная земельная измерительная единица — гак» <волок и т. д.

Русских заимствований в языке лудзинских эстонцев количественно больше, чем латышских, белорусских или польских слов. Большая часть русских заимствованных лексических единиц почти полностью сохраняет свою исходную форму, и поэтому в них наблюдаются такие структурные особенности, которые не свойственны исконно эстонской лексике. Так, например, в них встречаются чуждые эстонскому языку фонемы, а также сочетания согласных звуков. Только отдельные слова приспособились к фонетическому строю эстонского языка. Такие эстонизировавшиеся русские заимствования относятся, по-видимому, к более древнему времени. Со времени повсеместного распространения русского языка заимствования начинают употребляться преимущественно в той звуковой форме, которая более или менее характерна для его первоисточника, т. е. для русского языка.

В итоге можно сказать, что количество проникших в лудзинский диалект эстонского языка латышских и белорусских слов почти одинаковое. Все эти заимствования относятся к различным сферам домашней жизни местного крестьянина и его непосредственного окружения. Среди них имеются как более поздние заимствованные слова, так и древние фонологически полностью приспособившиеся к звуковой структуре эстонского языка лексические единицы. Перешедшие в эстонский диа-

лект польские слова относятся к различным областям мытной и городской жизни, так как эстонские крестьяне (как и местные латыши и белорусы) соприкасались с этими сторонами жизни при посредстве местного польского населения. Особенно многообразна сфера влияния русского языка. Среди русских заимствований имеются понятия, которые непосредственно перешли от русских крестьян их эстонским соседям, но особенно значительное количество таких слов, которые распространились в эстонском диалекте в результате влияния русского просвещения и русской культуры.

Помимо непосредственных заимствований, в лудзинском диалекте эстонского языка имеются также переводные заимствования, кальки как из русского, так и из белорусского, польского и латышского языков. Латышский, русский и белорусский языки, вместе с тем, оказали довольно большое влияние на фонетический и грамматический строй языка лудзинских эстонцев. Само собою разумеется, что и эстонский язык оказал известное влияние на соседние с ним языки. Поэтому устанавливаются определенные различия в речи носителей латгальского диалекта латышского языка, живущих в исконно латышских деревнях и, с другой стороны, в деревнях с первоначальным эстонским населением, сохраняющим до известной степени и до нашего времени свой родной эстонский язык.

За последние десятилетия заметно усилился интерес к изучению взаимных контактов тех или иных языков. Учитывая все приведенные выше факты, микрорайон лудзинских эстонцев следует признать благодарным полем деятельности как для балтистов, так и для славистов и финноугристов, так как перед ними стоят общие задачи, имеющие большое значение в деле разрешения целого ряда проблем контактирования языков.

Тарту

KALBINIO KONTAKTO ATVEJAI LATGALĒJE

P. ARISTĒ

Reziūmē

Darbe nāgrinējama kalbinio kontakto atvejai Latvijas TSR teritorijā esančioje Ludzas estu tarmēje. Ši estu tarmē patyrē tiesioginės latvių, rusų, baltarusių, lenkų kalbų įtakos. Darbo autorius aptaria šių kalbų leksinius skolinius. Nurodoma, kad kai kurie latvių, rusų, baltarusių, lenkų kalbų skoliniai, seniau patekę į Ludzas estu tarmę, visiškai prisitaikė prie estu kalbos fonetinių dėsnių, tuo tarpu vėlesnieji išlaikė estu kalbos fonetikai nebūdingą pavidalą. Pasitaiko atvejų, kai šalia skolinių, prisitai-

kiusių prie estų kalbos fonetikos dėsnių, aptinkama tų pačių skolinių naujesnių variantų su nebūdingu estų kalbos fonetiniu pavidalu. Ne visada galima nustatyti slaviškųjų skolinių šaltinį. Tačiau daugeliu atveju įmanoma gana tiksliai susekti, iš kurios slavų kalbos vienas ar kitas skolinys pateko. Apskritai, šioje estų tarmėje daugiausia esama rusų kalbos skolinių. Latvių ir baltarusių kalbų skoliniai apytikriai sudaro vienodą kiekį. Toliau eina lenkų kalbos skoliniai.
